

ЛИТЕРАТУРА

УДК 82

Криволапова Е.М.

Курский государственный университет

«ЖИЗНЬ ФАКТА» В ДНЕВНИКЕ С.П. КАБЛУКОВА

Е. Krivolapova

Kursk State University

“THE LIFE OF THE FACT” IN THE S. KABLUKOV’S DIARY

Аннотация. Статья посвящена проблеме реконструкции творческого процесса писателя. На материале дневников С. Каблуква анализируется история его взаимоотношений с В. Розановым, также нашедшая отражение в «Уединенном» и «Опавших листьях». Сопоставление автором различных источников – автодокументальных и художественных – предоставило возможность заполнить некоторые существенные «пробелы», связанные с обстоятельствами появления отдельных фрагментов в произведениях писателя, а также прояснить психологическую подоплеку интерпретации Розановым фактов, касающихся его дружбы с С. Каблуквым.

Ключевые слова: творческий процесс, интерпретация, реконструкция, дневник, факт, автодокументальный источник.

Abstract. The article is devoted to the problem of reconstruction of the creative process of a writer. On the material of the S. Kablukov's diary the history of his relationship with V. Rozanov is analyzed, which also found reflection in fragments of his works “The Lonely” and “Fallen leaves”. The author's comparison of various sources, autodocumentary and literary, allowed to fill some important gaps related to the circumstances of the appearance of separate fragments in write's works, as well as to clarify psychological background of interpretation of facts by Rozanov concerning his friendship with S. Kablukov.

Key words: creative process, interpretation, reconstruction, diary, fact, autodocumentary source.

Среди всех источников, предоставляющих возможности реконструкции творческого процесса художника, первостепенное значение занимают рукописи как документ аутентичный и поэтому позволяющий проследить «движение замысла» писателя с наибольшей степенью достоверности. Другую такую возможность предоставляет автодокументальный материал: дневники, записные книжки, письма, изучение которых позволяет заполнить существенные «пробелы», связанные с интерпретацией художественного творчества писателя. Дневник можно назвать аналогом рукописного текста, так как в силу своей жанровой природы он предоставляет возможность исследовать процесс зарождения произведения, выявить скры-

тые замыслы автора и обстоятельства, способствующие их возникновению, постичь психологию художественного творчества, а в некоторых случаях реконструировать процесс непосредственной реализации задуманного. Разумеется, не всякий дневник открывает подобные возможности, поскольку авторская интенция диктует определённые «правила игры».

Секретарь петербургского Религиозно-философского общества Сергей Платонович Каблуков, математик по образованию, преподаватель реальных училищ и гимназий, не был профессиональным писателем. Причины, побудившие его вести дневник на протяжении одиннадцати лет (вплоть до самой смерти), были обусловлены бескорыстной интенцией летописца, стремившегося оставить после себя подробные свидетельства жизни петербургской интеллигенции в судьбоносный для России период. Именно поэтому дневники С. Каблукова прежде всего сильны информативной стороной, они впечатляют «самоценностью» факта, отобранного из множества других и зафиксированного вследствие его значимости для автора, а в отдельных случаях им же и оценённого. Примечательно, что некоторые «факты» из дневника Каблукова получили отражение в произведениях других писателей, реализовались в «большой литературе» и таким образом предстали перед читателями в иной интерпретации.

Одна из причин, по которой дневник Сергея Платоновича вызывает значительный интерес в исследовательской среде, заключается не только в его ценных свидетельствах о работе Религиозно-философского общества Петербурга [1; 8]. Немаловажным представляется и то, что близкими друзьями Каблукова по работе в Обществе являлись известные в России личности – З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, Вяч. Иванов, А. В. Карташёв. Фактические свидетельства автора дневника, касающиеся этих выдающихся деятелей рубежа XIX – XX веков, были использованы в работах многих современных

литературоведов и помогли зримо представить психологический облик упомянутых личностей, выявить роль каждого из них в историко-культурном и религиозно-общественном движении [4; 5; 9].

Несмотря на стремление автора «летописать» события жизни безотносительно к собственной персоне, дневник Каблукова, как и любой другой, – это документ, заключающий свидетельства о личности автора, о его вкусах и пристрастиях, его жизненной позиции, о сильных и слабых сторонах его характера. Авторской позицией обусловлен и выбор материала. Сергея Каблукова, как правило, привлекали знаковые события, тем или иным образом соотносимые с его личной жизнью: заседания Религиозно-философского общества, посещение художественных выставок, концертов церковной музыки. Отдельное место в дневнике отведено его знаменитым современникам.

В.В. Розанов был в числе тех, кому посвящены многие страницы дневника Каблукова. Они познакомились в конце 1908 года, их недолгая дружба продолжалась чуть более года. И хотя Сергей Платонович 31 декабря, подводя итоги 1909 года, напишет в дневнике об «охлаждении к нему Розанова», их деловое общение продолжится и в 1910 году. Окончательный разрыв, последовавший по идеологическим причинам (хотя, возможно, сыграла свою роль и психологическая несовместимость – сложный, нетерпимый характер Каблукова и далеко не простая натура Розанова), в дальнейшем перерос в откровенную вражду, сопровождавшуюся со стороны Розанова ещё и выпадами чисто литературного характера. Поэтому небезынтересно будет проследить, как «преданный и самоотверженный оруженосец» Розанова Сергей Каблуков к 1912 году превратится для него в объект, достойный всяческих насмешек и издевательств. Эта история представлена как в дневнике Каблукова, так и в розановских циклах «Уединённое» и «Опавшие листья».

С самого начала знакомства Каблуков осознавал значимость и масштабность лич-

ности Розанова. Автор дневника рассказывает о долгих и интересных беседах с Розановым по самым различным вопросам – общественно-политическим, литературным, бытовым, об известных личностях и рядовых людях. С видимым удовольствием Каблуков пишет о своём многократном содействии Розанову в издании его работ, отмечает в дневнике проявления благодарности писателя, выражающиеся в подаренных ему книгах, цитирует в дневнике автографы на них. С.П. Каблуков с тёплым чувством и добрым юмором записывает «курьёзы», постоянно происходившие с Розановым, бытовые сцены, в которых проявлялась неординарность его личности.

Но уже с апреля в дневнике Каблукова появляются записи, позволяющие говорить о том, что в вопросах религиозных он не всегда солидарен с Розановым, а иногда и просто не приемлет его позиции. И это были первые вестники намечающегося охлаждения и последовавшего в дальнейшем скандально известного разрыва. Каблуков первым выступил с предложением об исключении Розанова из Религиозно-философского общества по причине того, что в статье «Отойди, сатана», опубликованной 24 октября 1911 года в «Новом Времени», Розанов «в недопустимых выражениях» отозвался о Владимире Соловьёве. 9 ноября 1911 года на экстренном заседании Совета Религиозно-философского общества, состоявшемся на квартире Мережковских, рассматривалось письменное заявление Каблукова об исключении Розанова из числа действительных членов Общества. Реакция Розанова выразилась в заметке под названием «В религиозно-философском обществе», помещённой 7 марта 1912 года в «Новом Времени» без подписи, где выступление Каблукова было названо «крикливой выходкой», а сам он – «каким-то Каблучковым или Каблущкиным» [1, с. 124].

На этом литературные издевки Розанова над недавним другом не закончились. Неблагозвучие его фамилии Розанов «обыграет» в том же году в «Уединённом»: «Удивительно противна мне моя фамилия. Всегда

с таким чужим чувством подписываю “В. Розанов” под статьями. Хоть бы “Руднев”, “Бугаев”, что-нибудь. Или обыкновенное русское “Иванов”. <...> Хуже моей фамилии только “Каблуков”: это уже совсем позорно. Или “Стечкин” (критик “Русск. Вестн.”, подписывавшийся “Стародумов”): это уж совсем срам» [6, с. 210]. Неизвестно, знал ли Розанов, что фамилия «Каблуков», несмотря на явное её «неблагозвучие», принадлежала старинному дворянскому роду, о чём сам Сергей Платонович никогда не упоминал. Но в его дневнике всё же есть невольная отсылка к своему «высокому» происхождению, о чём свидетельствует следующая запись от 11 марта 1910 года: «Вчера уехали Мережковские и Д.В. Философов. Я был у последнего вчера в 3 ч. (уехали они в 6 ч. пополудни) для подписи духовного завещания Дмитрия Сергеевича в качестве 2-го свидетеля (1-ый свидетель – д. с. с. Ратьков-Рожнов). Я написал следующее: “В том же свидетельствую. Потомств<енный> двор<янин> Сергей Платонович Каблуков”».¹

В 1915 году в «Опавших листьях» (Короб второй) Розанов опять упомянет Каблукова, но уже без фамилии: теперь бывший друг выступает под прозвищем «наш Мадмазелькин». Фрагмент из «Опавших листьев» с «участием» Каблукова тем интересен, что дублирует информацию, содержащуюся в дневнике последнего.

Вначале обратимся к свидетельствам Каблукова от 13 августа 1909 года: «Вечером 3-ого дня я был у Вас. Вас. Розанова, уже переехавшего на новую квартиру (по Звенигородск. ул. д. № 18, кв. 23, угл. дом с Никол. ул.). Оказалось, что он намерен продать свою кабинетную мебель, дубовую, крытую кожей, стоившую новой 250 р., всего за 150 р. Осмотрев её и найдя подходящей, я сказал, что могу её купить для себя. Варв<ара> Дм<итриевна> сказала на это, что мне Вас. Вас. уступит за сто рублей. Так и решили. Сговорились, что 12-го авг. она пришлёт ме-

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 322. Ед. хр. 9. Л. 2.

бель мне на квартиру, а деньги я уплачу после 16-го авг. Вчера, действительно, привезли мебель, ещё утром, и одновременно пришло и письмо Варв<ары> Дм<итриевны>, которое я помещаю на л. 374 этой книги. Из него следует, что присланная мебель дана мне “на прокат”, бесплатно, пока не станет лишней; в последнем случае я должен вернуть её детям Вас. Вас. Записываю это здесь как характеристику подлинной доброты В. В. и его жены, женщины необразованной (см. орфографическую пометку письма), но незаурядной и очень доброй. Сегодня отправляю ей благодарственное письмо с указанием, что покоряюсь ее желанию, хотя и предпочёл бы купить её себе в собственность».¹

Обращает на себя внимание общая тональность записи и её «целевая установка» – не просто зафиксировать факт покупки кабинетной мебели у Розанова, которую тот «намерен продать», а засвидетельствовать «подлинную доброту» Василия Васильевича и его жены. Каблуков растроган и где-то даже смущён. К этой записи он прилагает и письмо Варвары Дмитриевны, содержание которого позволяет составить представление о её отношении к другу своего мужа. Это чувство глубокого уважения к человеку, преданному Василию Васильевичу и любящему его: она очень рада тому обстоятельству, что кабинет мужа, который ей, без сомнения, дорог, попал в руки достойного человека, способного отнестись к нему как к реликвии и сохранить его: «Я понимаю, что он попал туда, куда следует и мне с ним радостно расстаться. Только пожалуйста 17 число забудьте и никогда не вспоминайте это» [2, с. 486].

Те же самые чувства по отношению к Каблукову содержатся и в письме самого Розанова от 16 августа, где он «проясняет» ситуацию с передачей мебели «в собственность» Каблукова. Примечательно, что письмо начинается словом «дружба», которая, как свидетельствует дальнейшее содержание, прочно связывает Каблукова и семью Розанова, носит искренний и бескорыстный характер

и приносит удовольствие от общения всем троим:

«Дорогой Серг<ей> Плат<онович> !

Дружба – один из лучших цветков в жизни. И если Вы дали мне с Варей “найти в мире этот цветок” в виде Вашего милого к нам отношения, то нам хочется, чтобы и Вы испытывали это удовольствие нашей к Вам дружбы. Письмо Вари не имело того смысла, какой Вы ему придали. Мебель совершенно Ваша, и Вы что хотите, – то и можете с нею делать. Только ради любви ко мне она выразила надежды, что Вы ею сами будете пользоваться, а при счастливом устроении Вашей судьбы, – и Ваши дети и т. д., но вообще не третьи лица. Так что это мебель только “заповедная”, не продаваемая, но абсолютная Ваша собственность. Ваш В. Розанов» [2, с. 215].

Очевидно, Розанову тоже был памятен этот эпизод с передачей мебели, поскольку именно о нём идёт речь в «Опавших листьях». Фрагмент начинается так: «Из всего “духовного” ему нравилась больше всего основательная дубовая кожаная мебель...» В этих словах чувствуется злая ирония по отношению к тому, о ком идёт речь (напомним, что фамилия «Каблуков» здесь не упоминается). И далее следует продолжение: «...И чин погребения». Эту фразу Розанов далее «расшифровывает» довольно подробно. Теперь в его изложении первое лицо просто отсутствует – неполные предложения вполне устраивают Розанова (тоже своеобразный знак презрения):

«Входит в начале лета и говорит:

– Меня приглашают на шхуну, в Ледовитый океан. Два месяца плавания. Виды, воздух. Гостем, бесплатно.

– Какие же вопросы? Поезжайте!!

– И я так думал и дал согласие.

– Отлично.

– Да. Но я отказался.

– Отказались?!

– Как же: ведь я могу заболеть в море и умереть.

– Все мы умрём.

¹ ОР РНБ. Ед. хр. 6. Л. 36 – 44.

– Позвольте. Вы умрёте на суше, и вас погребут по полному чину православного погребения. Всё пропоют и всё прочитают. Но на кораблях совершенно не так: там просто по доске спускают в воду зашитого в саван человека, прочитывая “напутственную молитву”. Да и её лишь на военном корабле читает священник, а на торговом судне священника нет, и молитву говорит капитан. Это что же за безобразие. Такого я не хочу.

– Но позвольте: ведь вы уже умрёте тогда, – сказал я со страхом.

– Те-те-те... Я так не хочу!!! И отказался. Это безобразие.

Чёрные кудри его, по обыкновению, тряслись. Штаны хлопались, как паруса, около тоненьких ног. Штиблеты были с французскими каблуками.

Мне почудилось, что через живого человека, т. е. почти живого, “все-таки”, – оскалила зубы маска Вольтера.

(наш Мадмазелькин)» [7, с. 431 – 432].

В дневнике Каблукова этот разговор с Розановым отсутствует, но свидетельства того, что он состоялся и в содержательном плане был именно таким, каким его и передал Розанов, есть. Результатом беседы о несостоявшемся морском путешествии Каблукова стала подаренная ему Розановым книга с его непременно автографом, о чём свидетельствует запись в дневнике от 13 августа: «А Вас<илий> Вас<ильевич> подарил мне 2 экз<емпляра> “Семейного вопроса в России” <...>, 2 экз<емпляра> “Легенды о Великом Инквизиторе” <...> и своё лучшее сочинение: “О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки, как цельного знания”. М. 1896. Ц. 5 р. На последней книге он сделал надпись: “Сергею Платоновичу Каблукову, – математику-мистику, – тоже, кажется, мистик, – В. Розанов. Всего больше в Вас мне понравилось, когда Вы отказались ехать в интересное морское путешествие из страха, что в случае смерти, над Вами не были бы вычитаны и пропеты все церковные песнопения и чтения, поло-

женные по Уставу Церкви. Это единственно в своём роде!”¹

Можно предположить, что Розанов был в самом благодушном настроении, подписывая другу своё первое «сочинение», и в разгар дружбы с Каблуковым «религиозные чудачества» последнего были для него вполне приемлемы и даже «единственны в своём роде». Но в 1912 году это воспринималось уже иначе – как некий религиозный фанатизм, причём в самой его неприятной и даже отталкивающей («оскалила зубы») форме.

Розанов далеко не случайно «соединяет» в одном фрагменте «дубовую кожаную мебель» и «чин погребения». Эта ассоциация, на первый взгляд, лишённая всякой логики, тоже находит своё объяснение в дневнике Каблукова. Дело в том, что запись о «дубовом кабинете» Розанова и о подаренной им книге с автографом сделана Каблуковым в один и тот же день. Следовательно, можно предположить, что разговор о морском путешествии состоялся на новой квартире Розанова, где Каблуков осматривал кабинетную мебель с намерением приобрести её. Там же и были подарены ему книги, на одной из которых автор в качестве автографа запечатлел недавний разговор с другом, поскольку отказ Каблукова от морского путешествия, несомненно, поразил воображение Розанова, что и дало ему повод написать: «Это единственно в своём роде!» По прошествии нескольких лет эти два события соединились в памяти Розанова в один ассоциативный ряд.

Заслуживает внимания и внешний облик Каблукова, как он воссоздается Розановым, – симпатии описываемый человек не вызывает. Скорее, наоборот – герой напоминает неврастенического больного, неказистого и злобного, с постоянно трясущимися кудрями, хлопающими штанинами «около тоненьких ног». Не случайны и французские каблукки, неизбежно ассоциируемые с фамилией описываемого. Между тем в действительности Сергей Каблуков не был неврастеником, и внешность имел вполне привлекательную

¹ ОР РНБ. Ед. хр. 6. Л. 44 – 45.

профессионально оцененную И.Е. Репиным. Вот записи дневника, говорящие сами за себя: «Понедельник 20 июля. Вчера вместе с В.В. Р<озановым> я был у Ильи Ефимовича Репина, на даче гражданской жены его Н.Б. Нордман в Куоккале, называемой “Пенаты”. <...> При конце осмотра он предложил мне бывать у него и просил разрешение сделать с меня несколько этюдов»;¹ «Четверг 3 июля. Вчера днём я был у И.Е. Репина в “Пенатах”. <...> Теперь – о цели посещения Репина. И.Е. захотел написать мой портрет, считая замечательным моё лицо. Вчера я позировал ему около 2-х часов. Следующий сеанс – через две недели. Иванов (сенатор С.В. Иванов. – Е. К.) развлекал меня во время сеанса своим рассказом о беседах с Щегловитовым и свиданием с Ник<олаем> Кр<олавым>. Усадили его так, чтобы я не видел его лица и не смотрел на собеседника. Лицо мое ему весьма понравилось. “Я бы с удовольствием смотрел на вас”, сказал он мне, “потому что у Вас крайне замечательное лицо и если бы я был хоть каким-нибудь художником, непременно нарисовал бы Вас”. <...> И.Е. Репин сказал, что я очень похож на Соловьёва в его молодые годы, а Н.Б. Нордман во время обеда сказала, что я крайне похож на икону и даже в руках моих нашла какое-то сходство с иконою»;² «Среда 19 августа. Сегодня я был у Ил. Еф. Репина в Куоккале. Приехал первым, затем прибыл Вас. Вас. Розанов... <...> Мне остается упомянуть, что сегодня я позировал не И.Е., писавшему портрет Розанова, а его сыну Юрию, очень милому художнику, понравившемуся мне своей молчаливостью. Да еще запишу для памяти, что И.Е. вновь много раз говорил, что я изумительно похож на Вл. Соловьёва и лицом и тембром голоса (даже)».³

Нужно отметить, что Каблуков, несмотря на разрыв с Розановым, продолжал им интересоваться вплоть до самой его смерти. В дневнике он фиксирует свои впечатления от книг Розанова. Так, по поводу «Уединён-

ного» Каблуков написал: «Странное и двойственное впечатление произвела на меня новая книга... В начале грубая, крайне резкая, нелепая, она к концу становится и нежной, и правдивой, и искренне-благородной» [10, с. 436]. Накануне октябрьского переворота Каблуков признает правоту бывшего друга и ошибочность собственных взглядов. 17 ноября 1917 года он делает запись: «Кажется Р<озано>в бедствует. Мне его от души жалко. И во многом, что высказано им в “Уединённом” и в “Опавших листьях” сколько верного! Теперь-то это видно».⁴

Примирение их, искреннее и трогательное, произойдёт уже после октябрьских событий, когда сама жизнь изменит взгляды Каблукова в радикально противоположную сторону и подтвердит правоту Розанова. Осенью 1918 года Каблуков посылает бедствующему и больному философу, жившему в деревне Корсюковка под Сергиевым Посадом, письмо, в котором честно признаётся в ошибочности своих прежних взглядов. Ответ Розанова был в высшей степени трогательным: «Милый Сережа! Конечно, я написал Вам сейчас же письмо, как только получил Ваше, так меня обрадовавшее... <...> Ах, как горько живётся. Как страшно живётся. “Вот вам и революция”, которой мы все так долго ждали (я с гимназических лет). <...> Тяжело. Страшно. Любите меня (и моих) хотя бы самой маленькой любовью. Любите, потому что не будет ещё и любви, – мы заживо задохнёмся в страхе» [3, с. 207 – 208]. В последующих письмах Розанов извиняется за свои «злые выходки» по отношению к своему прежнему другу: «Спасибо, милый Сережа, за приветливое, ласковое письмо, давшее мне несколько счастливых минут. Как и всегда, Добро победило Зло, и строки эти победили злые мои выходки в “Уед/инённом/” и “Оп/авших/ л/истьях/”, сделанные по злой памяти за первое засед/ание/ “Рел/игиозно/-ф/илософского/ общ/ества/, где ты тоже нехорошо и грубо напал на меня и обругал меня. Ну, Бог с ними» [3, с. 209]. В письмах Розанов ещё и

¹ ОР РНБ. Ед. хр. 5. Л. 99, 107.

² ОР РНБ. Ед. хр. 5. Л. 153 – 157.

³ ОР РНБ. Ед. хр. 6. Л. 71, 75.

⁴ ОР РНБ. Ед. хр. 48. Л. 513.

ещё раз говорит о своей любви к тем, с которыми «начинались» Религиозно-философские собрания и Религиозно-философское общество: Д.С. Мережковскому, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философову («я же всем им ужасные “свинства” устраивал») и, конечно же, С.П. Каблукову – с горечью сознавая, что уже никогда не сможет их увидеть: «И вдруг я не вижу (и уже никогда не увижу!) моего Димы (Д.В. Философова. – Е. К.) с его благородною, нежною улыбкою...<...> ни Сережи усталого, сажающегося за стол...» [3, с. 210]. Розанов благодарит Каблукова за присланный сахарин, но просит его больше не присылать, потому как Каблуков «сам “еле-еле”»... В.В. Розанов умер 23 января 1919 года, С.П. Каблуков пережил его всего лишь на 11 месяцев и два дня.

История взаимоотношений В. Розанова и С. Каблукова, зафиксированная в разных источниках, представляет интерес не только в плане сугубо личного аспекта. В ней нашли отражение все те сложности мировоззренческого характера, с которыми столкнулась русская интеллигенция начала XX века. Сопоставление различных источников – автодокументальных и художественных – позволяет по-иному взглянуть на многие проблемы общественной жизни предреволюционной России, оценить всю сложность общественно-политической и духовной ситуации, в которой оказалась творческая интеллигенция после октябрьского переворота. Помимо этого, дневник С. Каблукова предоставляет возможность заполнить некоторые существенные «пробелы», связанные с обсто-

ятельствами появления отдельных фрагментов в «Уединённом» и «Опавших листьях», а также прояснить психологическую подоплёку интерпретации Розановым фактов, касающихся его дружбы с С. Каблуковым.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907 – 1917): Хроника заседаний. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 326 с.
2. Каблуков С.П. О В.В. Розанове // В.В. Розанов: pro et contra. В 2 кн. Кн. I. / Сост., вст. ст. и прим. В.А. Фатеева. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 200 – 221.
3. Королёва Н. Воспоминания о сегодняшнем дне (Неопубликованные письма Василия Розанова) // Слово. – 1995. – № 17-18. – С. 205 – 214.
4. Лавров А.В. З.Н. Гиппиус и её поэтический дневник // З.Н. Гиппиус. Стихотворения / Подг. текста, вступ. статья, примечания А.В. Лаврова. (Новая библиотека поэта) – СПб.: Академический проект. Изд-во ДНК, 2006. – С. 5 – 68.
5. «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментарии Е.И. Гончаровой. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2009. – 448 с.
6. Розанов В.В. Уединённое // Розанов В.В. Сочинения: В 2 т. – М., 1990. Т. 2. – С. 195 – 274.
7. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В.В. Сочинения: В 2 т. – М., 1990. Т. 2. – С. 421 – 629.
8. Савельев С.Н. Идеиное банкротство богоискательства в России в начале XX века. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 184 с.
9. Фатеев В.А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. – СПб.- Кострома, 2002. – 640 с.
10. Фатеев В.А. Розанов В.В. // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: РОССПЭН. 2008. – С. 435 – 437.